

CLIVE BARKER
THE SCARLET GOSPELS

МАСТЕРА
ЧУЖАКОВ

Клайв Баркер
АЛЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СЕРГЕЯ КРИКУНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*Марку,
без которого этой книги бы
не существовало*

Услышав от друга вопрос о том, что значит «альфий», слепец ответил: «Это подобно звуку трубы».

*Джон Локк
«Опыт о человеческом разумении»*

ПРОЛОГ

LABOR DIABOLUS

*Он волосы мои взметнул да щеки обмахнул,
Подобно ветру луговому, что гуляет там весной,
С кошмарами моими чудно сплелся он,
И все же знал я — мне здесь рады.*

Сэмюэл Тэйлор Кольридж
«Сказание о старом мореходе»

1

Наконец, долгое могильное молчание нарушил голос Джозеф Раговски, и ничего приятного в нем не было — ни по звучанию, ни по смыслу.

— Да вы только взгляните на себя, — молвил он, рассматривая пятёрку магов, пробудивших его от лишённого грёз сна. — Вы что привидения, все до единого.

— Ты и сам выглядишь не ахти, Джо, — отозвалась Лили Саффро. — Твой бальзамировщик слегка переусердствовал с румянами и подводкой для глаз.

Раговски заворчал, вскинул руку к щеке и стер немного грима, которым пытались скрыть подарок жестокой смерти — тошнотворную желтизну. Его забальзамировали (вне всяких сомнений, наспех) и задвинули на полку в фамильном мавзолее, находившемся на окраине Гамбурга.

— Надеюсь, вы так потрудились не просто затем, чтобы забросать меня дешевыми остротами, — сказал Раговски, осматривая объекты, усеивавшие пол вокруг. — Как бы то ни было, я впечатлен. Некромантические ритуалы не терпят халатности.

АЛЬЕ ПЕСНОПЕНИЯ

Колдуны воскрешали Раговски ритуалом Н'гуз, требовавшим яиц от безусловно белых голубок, которым вкололи кровь первой девичьей менструации, — их следовало разбить и вылить в двенадцать алебастровых чаш, окружавших труп, при этом каждый сосуд содержал и другие причудливые ингредиенты. Чистота являлась главным условием данного ритуала. У птиц — ни перышка другого цвета, кровь — первой свежести, а две тысячи семьсот девять цифирей, начертанных чёрным мелом, должны были начинаться под кругом из чаш и спиралью закручиваться к месту, где лежал труп воскрешаемого, — в строго определенном порядке, без заёртостей, разрывов или исправлений.

— Элизабет, это ведь ты постаралась, не так ли? — поинтересовался Раговски.

Элизабет Коттлав — старшая из пяти магов; женщина, чьи знания некоторых из самых сложных и неуловимых сохраняющих заклинаний и ритуалов не уберegli ее лицо, и оно выглядело так, будто ее владелица потеряла аппетит и способность спать десятки лет тому назад — кивнула.

— Да, — ответила она. — Мы нуждаемся в твоей помощи, Джоуи.

— Давно ты меня так не называла, — сказал Раговски. — Обычно это случалось, когда мы трахались. Меня и сейчас собираются объебать?

Коттлав метнула быстрый взгляд на своих сотоварищей магов — на Лили Саффро, Йяшара Хейадата, Арнольда Полтэша, Теодора Феликссона — и увидела, что оскорбления Раговски забавляют их не больше, чем её.

— Вижу, могила не лишила ядовитости твой язык, — заметила она.

Клайв Баркер

6

— Да ёб вашу мать, — вздохнул Полтэш. — В этом-то и заключалась главная проблема! Что мы сделали, что не сделали, что имели и не имели — все это неважно, — он покачал головой. — Сколько времени и сил было потеряно на попытки переплюнуть друг дружку, а ведь мы могли сотрудничать... у меня слезы на глаза наворачиваются.

— Вот и рыдай, — сказал Теодор Феликссон. — А я буду сражаться.

— Да. Прошу. Избавь нас от зрелища твоих слез, Арнольд, — подала голос Лили. Из пяти магов сидела только она — по той простой причине, что у нее отсутствовала левая нога. — Всем бы нам хотелось, чтобы всё сложилось иначе...

— Лили, дорогая, — молвил Раговски, — не могу не заметить, что ты уже не та женщина, что была раньше. Что стало с ногой?

— Вообще-то, — отозвалась она, — мне повезло. Он меня почти сцапал, Джозеф.

— Он?.. Ты есть, его не остановили?

— Мы — вымирающий вид, Джозеф, — сказал Полтэш. — Настоящий вымирающий вид.

— Сколько членов Круга осталось? — внезапно в голосе Джозефа послышалась тревога.

Пятёрка обменялась молчаливыми взглядами. Наконец, кто-то заговорил — это была Котглав.

— Мы — все, кто остался, — сказала она, вперив взор в одну из алебастровых чаш и её окровавленное содержание.

— Вы? Всего *пятеро*? Не может такого быть.

Из манер и голоса Раговски улетучились весь сарказм и мелочная сварливость. Даже яркие краски

бальзамировщика не могли смягчить ужас на его лице.

— Сколько времени я пролежал?

— Три года, — ответила Коттлав.

— Пошутить решили? Как такое возможно? — недоумевал Раговски. — В одном Высшем Круге было двести семьдесят один человек!

— Да, — сказал Хейадат. — И это только те, кто пожелал числиться среди нас. Невозможно сказать наверняка, скольких непосвящённых он забрал. Несколько сотен? Тысяч?

— И ещё никак не узнать, чем они владели, — добавила Лили Саффро. — У нас был довольно точный список...

— Однако даже он был неполным, — сказал Полтэш. — У каждого из нас есть тайное имущество. У меня точно.

— Ах-х... святая правда, — вздохнул Феликссон.

— Пятеро... — повторил Раговски, покачивая головой. — Почему вы не собрались, не пораскинули мозгами и не придумали, как его остановить?

— Вот зачем мы взяли на себя труд вернуть тебя к жизни, — сказал Хейадат. — Поверь, никто из нас не совершал этого по доброй воле. Думаешь, мы не пытались поймать ублюдка? Еще как, блять. Но демон чертовски умен...

— И с каждым разом он всё умнее, — кивнула Коттлав. — В некотором роде, ты должен быть польщен. Тебя он забрал в числе первых потому, что как следует подготовился. Он знал, что только ты мог объединить нас всех против него.

— А когда ты умер, мы бранились и тыкали друг в друга пальцами, как склочные школьники, — вздохнул

Клайв Баркер

8

Полтэш. — Он настигал нас по очереди, поодиночке, появляясь в разных частях земного шара — мы и предположить не могли, где он нанесет следующий удар. Многие пропали так, что никто ничего и не заподозрил. Вести находили нас позже — обычно через несколько месяцев. А то и год спустя. Просто так, случайно. Пытаешься с кем-то связаться, и оказывается, что их дом продан, сгорел до основания или же просто брошен на поживу плесени. Я навещал парочку таких мест. Помните дом Брэндера в Бали? Я там бывал. А поместье доктора Бигандзоли в окрестностях Рима? И туда ездил. Не обнаружилось и следа мародерства. Местные так боялись слухов о жителях усадьбы, что не осмеливались и шага туда ступить — даже несмотря на тот очевидный факт, что дома никого не было.

— И что ты там нашел? — поинтересовался Раговски.

Полтэш достал пачку сигарет и закурил. Его руки дрожали, и Коттлав помогла ему подкурить.

— Исчезло всё, что имело магическую ценность, — продолжал он рассказ. — Уртексты¹ Брэндера, коллекция ватиканских апокрифов Бигандзоли. Всё, вплоть до самого никчемного богохульного памфлета, исчезло. Полки пустовали. Очевидно, Брэндер без боя не сдался: было много крови на... кто бы мог подумать — на кухне.

— Разве необходимо всё пересказывать? — не выдержал Хейадат. — Всем нам известно, чем заканчиваются эти истории.

¹ У р т е к с т — печатное издание музыкального текста, стремящееся к как можно более точной передаче авторского замысла. Очевидно, Баркер имеет в виду щепетильные копии магических текстов.

— Вы вырвали меня из желанных объятий смерти, чтобы я помог вам спасти ваши души, — молвил Раговски. — Меньшее, что вы можете для меня сделать — это поделиться фактами. Арнольд, продолжай.

— Ну, кровь была старой. Её было много, но она уже много месяцев, как высохла.

— С Бигандзоли так же? — спросил Раговски.

— Когда я приехал, поместье было наглухо заперто. Ставни и двери закрыты, словно Бигандзоли уехал в отпуск, но он всё ещё находился внутри. Я нашел его в рабочем кабинете. Он... Господи, Джозеф, он был подвешен к потолку. На цепях. Они оканчивались крюками, пронзавшими его плоть. И там стояла такая жара... По моим догадкам Бигандзоли был мертв уже месяцев шесть. Тело полностью иссохло. Выражением на лице он был обязан тому, как усохли его губы, но, Богом клянусь, выглядел Бигандзоли так, будто умер с криком на устах.

Раговски по очереди осмотрел лица всех присутствовавших.

— Значит, пока вы воевали себе за мальчиков и дам прекрасных, этот демон пресёк жизни и разграбил умы самых изоциренных адептов магических наук на всей земле?

— В общем и целом? Да, — кивнул Полтэш.

— Зачем? Какова его цель? Это-то вы разузнали?

— Думаем, такая же, как и у нас, — сказал Феликссон. — Накопление силы. Он забрал не только трактаты да свитки с гримуарами. Он вымел подчистую все обложения, талисманы, амулеты...

— Цыц, — внезапно прервал его Раговски. — Слушайте.

Клайв Баркер

10

На миг среди них воцарилось молчание, а затем вдали тихо пробил погребальный звон.

— О, Боже, — сказала Лили. — Это его колокол.

Мертвец засмеялся.

— Он вас нашел.

2

Собравшаяся компания, за исключением однажды усопшего Раговски, тут же испустила поток молитв, уговоров и протестов, и ни один не звучал на том же языке.

— Спасибо вам, старые друзья, за дар второй жизни, — сказал Раговски. — Далеко не всем выпадает счастье умереть дважды, в особенности от рук одного и того же палача.

Он вылез из гроба, сбил ногой первую попавшуюся алебастровую чашу и двинулся против часовой стрелки по некроромантическому кругу. По полу во все стороны растеклась смесь яиц, менструальной крови и прочих, особых для каждой чаши ингредиентов, но все они были ключевой составляющей ритуала Н'гуз. Одна чаша откатилась, дико завилыла и разбилась о стену мавзолея.

— Что за ребячество, — скривилась Коттлав.

— Боже правый, — сказал Полтэш. — Звон нарастает.

— Мы примирились, чтобы заручиться твоей помощью и защититься! — крикнул Феликссон. — И теперь опустить руки? Разве ничего нельзя сделать? Я этого не приму.

— Слишком поздно вы помирились, — сказал Раговски, растаптывая в пыль битые чаши. — Возможно,

если бы сюда явилось человек пятьдесят, и все разделяли ваши знания, у вас могла бы появиться надежда. Но, при текущем раскладе, вас численно превосходят.

— Численно? Хочешь сказать, у него есть приспешники? — удивился Хейадат.

— Иисусе Христе... В чем дело? Вуаль смертельная сковала разум мой, аль годы прошедшие сгноили? Вот честно не помню вас такими тупицами. Демон поглотил знания бесчисленных умов. Ему не нужна подмога. Не существует заклинания, способного его остановить.

— Нет, не может быть! — вскрикнул Феликссон.

— Уверен, три года назад я бы прибегнул к такой же беспомощной фразе, но это было до моей преждевременной кончины, братец Теодор¹.

— Исчезнем! — воскликнул Хейадат. — Все в разных направлениях. Я улечу в Париж...

— Йяшар, ты меня не слушаешь. Слишком поздно, — сказал Раговски. — От него не спрячешься. И я тому доказательство.

— Ты прав, — согласился Хейадат. — Париж — слишком очевидно. Куда-то подальше, а затем...

Пока Хейадат лихорадочно излагал свой план, Элизабет Котглав, очевидно, смирившись с текущими обстоятельствами, решила поговорить с Раговски более непринужденно.

¹ Братец Теодор (1906—2001 гг., настоящее имя Теодор Готтлиб) — германо-американский комик. Выступал с бессвязными, абсурдными монологами. Свои выступления братец Теодор называл «стэнд-ап трагедиями». Братец Теодор — это «Борис Карлофф, сюрреалист Сальвадор Дали, Нижинский и Рэд Скелтон... одновременно».

— Сказали, что твоё тело нашли в храме Феместриона. Странное место, Джозеф. Как ты там оказался? Он тебя туда привел?

Раговски замер на секунду и посмотрел на Коттлав.

— Нет, — проговорил он. — Вообще-то я сам там спрятался. За алтарем там есть комнатка. Она крохотная. В ней темно. Я... я думал, что буду там в безопасности.

— А он все равно тебя нашел.

Раговски кивнул и поинтересовался:

— И как же я выглядел? — его голос невольно дрогнул.

— Меня там не было, но по отчетам всех очевидцев — ужасающе. Он бросил тебя в той норе, а крюки так и остались в теле.

— Ты рассказал ему, где хранишь все манускрипты? — спросил Полтэш.

— Мне цепь с крюком желудок через задницу тянула, так что да, Арнольд, рассказал. Я визжал, как крыса в капкане. А потом он бросил меня там, и та цепь с крюком медленно потрошила меня, пока он не побывал в моём доме и не снёс в храм все, что я припрятал. Помню, я так жаждал смерти, что буквально молил его добить меня. Я рассказал ему даже то, о чём он не просил. Мне хотелось лишь умереть. В конце концов, моё желание исполнилось. И никогда в жизни я не был так благодарен.

— Иисусе! Увидь и зарыдай! — воскликнул Феликсон. — Взгляните на себя — разинули рты на его болтовню! Мы воскресили сукина сына не для того, чтобы слушать его сраные страшилки, а ради ответов.

— Ответов захотел?! — рыкнул Раговски. — Тогда слушай. Возьми бумагу и запиши местонахождение каждого известного тебе гримуара, памфлета и предмета

силы. Каждого. Рано или поздно он все равно получит нужную информацию. Лили, ты — у тебя ведь имеется единственная существующая копия «Жестокостей» Сендереггера, так?

— Возможно...

— Пиздец, женщина! — покачал головой Полтэш. — Он же пытается помочь.

— Да. Имеется, — сказала Лили Саффро. — Она в сейфе под могилой моей матери.

— Запиши. Адрес кладбища. Номер участка. Нарисуй чертову карту, если нужно. Главное, чтобы ему было не сложно искать. Тогда можно надеяться, что он оплатит той же монетой.

— У меня нет бумаги, — пискнул Хейадат внезапно пронзительным, детским от страха голосом. — Кто-нибудь, дайте бумагу!

— Держи, — сказала Элизабет, вырвав листок из записной книжки, которую она только что достала из кармана.

Полтэш писал на конверте, прижав его к мраморной стене мавзолея.

— Не понимаю, как это удержит его от манипуляций с нашими мозгами, — сказал он, рьяно покрывая конверт малопонятными каракулями.

— Не удержит, Арнольд. Это всего лишь жест повиновения. Что-то, с чем никто из нас не был особо знаком. Но вдруг, — а я ничего не гарантирую — вдруг срывает.

— О, Боже! — воскликнул Хейадат. — Я вижу свет в щелях.

Маги оторвались от письма, чтобы посмотреть, о чем речь.

Клайв Баркер

14

Холодный голубой свет проникал в мавзолей сквозь узенькие щели между мраморными блоками.

— Пришествие нашего гостя неизбежно, — сказал Раговски. — Элизабет, дорогая...

— Да, Джозеф? — откликнулась она, не отрываясь от лихорадочного письма.

— Будь добра, освободи меня, пожалуйста.

— Одну минутку. Дай мне закончить список.

— Будь ты проклята! Отпусти меня! — вспыхнул Раговски. — Я не хочу быть здесь, когда он явится. Не хочу больше видеть его ужасное лицо, никогда!

— Наберись терпения, Джозеф, — сказал Полтэш. — Мы всего лишь следуем твоему совету.

— Кто-нибудь, верните мне смерть! Я не могу снова пройти через это! Никто не должен переживать такое дважды!

Свет, рвавшийся в мавзолей, становился всё ярче, и к нему присоединился скрип, с которым один из огромных мраморных блоков медленно выдвигался со стены на уровне человеческой головы. Когда он высунулся дюймов на десять, пришел в движение другой блок, находившийся в стене левее и пониже первого. Спустя несколько секунд пошевелился и третий камень, уже правее и повыше. Серебряно-голубые лучи яркого света, расплетавшие стену, прорывались внутрь с появлением новых щелей и трещин.

Возмущенный равнодушием своих воскресителей, Раговски продолжил разрушение некромантических трудов Коттлав с места, на котором прервался. Он схватил алебастровые чаши и швырнул их о движущуюся стену. Потом он стянул погребальный пиджак, опустился на колени и принялся с его помощью сти-

